

Туман окутывал Ся Чи словно вуаль. Яркие черты лица казались немного нереальными, размытыми, но притягательными.

Лу Цзинь наклонился, следя за движениями Ся Чи.

Человек в воде слегка выпрямился. Промокший банный халат облегал тело, грудь была наполовину обнажена, открывая белоснежную нежную кожу, то ли из-за горячего источника, то ли нет, но сквозь неё просвечивал лёгкий румянец.

Взгляд Лу Цзиня потяжелел.

Бледно-жёлтые атмосферные фонари в маленьком дворике светили неярко, но добавляли немало двусмысленности.

Ся Чи стоял в воде, Лу Цзинь на берегу наклонился к нему. Свет вытянул тени обоих и бросил их на поверхность воды, как пару влюблённых, застывших в поцелуе.

Глядя на лицо Ся Чи, Лу Цзинь прикрыл глаза, сглотнул и тяжёлым взглядом уставился на тонкие губы, которые то открывались, то закрывались.

— Что ты сказал? — Лу Цзинь не расслышал.

— Я сказал, что хочу грушу, — произнёс Ся Чи. — Мороженую.

Лу Цзинь: — ?

Ся Чи моргнул. Он не осмелился сказать, что ещё хочет выпить, главным образом боялся, что из-за вина что-нибудь пойдёт не так.

Те два предыдущих случая нельзя было назвать плохими, но они и правда оставили Ся Чи в некоторой растерянности. Он не знал, как с этим справиться.

Услышав слова, Лу Цзинь на мгновение оцепенел.

Ся Чи не знал, что у мужчины на уме. Скривил губы:

— Ладно, я сам схожу.

Лу Цзинь в душе тихо вздохнул с безнадёжностью, поднялся:

— Не двигайся, я сейчас вернусь.

Юноша с довольным видом снова опустился в воду.

Лу Цзинь вернулся в комнату и позвонил на ресепшн. Вскоре робот доставил заказ, не только мороженые груши, но и нарезанные фрукты.

Он поставил тарелку на поднос и вынес Ся Чи.

— Не засиживайся слишком долго.

Сказав это, уже собирался повернуться и уйти.

Но Ся Чи дёрнул его за край одежды и несильным движением потянул вниз.

Он запрокинул голову и слегка коснулся губами щеки Лу Цзиня:

— Благодарность.

Он хотел снова погрузиться в воду, но Лу Цзинь среагировал молниеносно. Подхватил Ся Чи за затылок, вынуждая сохранить запрокинутое положение.

Поцелуй сместился со щеки на губы.

Горячее дыхание другого мгновенно захлестнуло Ся Чи. Он был вынужден принять его натиск.

Лу Цзинь запустил пальцы в чёрные волосы юноши, подушечками нежно сжимая кожу на затылке.

— Нн-н... — Тело словно пронзило током, Ся Чи слегка вздрогнул и невольно застонал, приоткрыв рот.

Именно это и дало Лу Цзиню возможность воспользоваться моментом.

Вороньи ресницы Ся Чи мелко дрожали. Против напора у него не было никакой защиты.

Оставалось только пассивно принимать, подчиняться собственному побуждению и наслаждаться радостью этого мгновения.

То ли потому что они далеко от города А, то ли нет, но здесь, у подножия малолюдной заснеженной горы, и Ся Чи, и Лу Цзинь были несколько более несдержанными.

Через некоторое время мужчина наконец отпустил Ся Чи, только руку оставил на его затылке, ощущая, как поднимается и опускается кожа в такт тяжёлому дыханию.

Голос Лу Цзиня звучал низко:

— Вот это уже достаточно искренне.

Ся Чи покосился на него, молча чуть отодвинулся, вышел из-под ладони Лу Цзиня и ушёл с головой под воду. Над поверхностью остались только пара глаз и пушистые волосы.

Как грибок, спрятавшийся в укрытии.

Лу Цзинь тихо засмеялся и окликнул его:

— Ся Чи.

Ся Чи вынырнул:

— Мм?

— Я буду ждать тебя в комнате.

— Хорошо, — кивнул Ся Чи. Он только и мечтал, чтобы Лу Цзинь поскорее зашёл внутрь.

«Красивые мужчины — это погибель!»

Он-то рассчитывал как следует потрепать нервы Лу Цзиню, заставить его осознать серьёзность ситуации.

Как же получилось, что в два счёта сам потерял голову от красоты?

Лу Цзинь вернулся в комнату. Услышав за спиной звук закрывшейся двери, Ся Чи снова расслабился и откинулся на край бортика.

Он взял мороженую грушу, положил в рот и в душе торжественно поклялся.

«Скоро я непременно перехвачу инициативу!»

Доев грушу, выбрался из воды, снял насквозь промокший банный халат и надел сухой новый, лежавший на берегу.

Вернувшись в комнату, он увидел, что Лу Цзинь сидит, прислонившись к изголовью кровати, обнимает ноутбук и разбирается с рабочими делами.

Ся Чи прошёл в ванную, быстро ополоснулся, а когда вышел, тот уже отложил работу.

Только что вымытые волосы были наспех промокнуты полотенцем, влажные. Ся Чи небрежно сгрёб их рукой на затылок.

Увидев это, Лу Цзинь взял фен, лежавший в тумбочке:

— Иди сюда.

Ся Чи сел на край кровати. Мужчина встал перед ним, включил фен и, пока сушил волосы, запустил пальцы в чёрные пряди.

Мягкий тёплый ветерок и нежные движения Лу Цзиня — Ся Чи наслаждался сполна.

— Почему ты раньше избегал меня? — Ся Чи щурился, глядя на того. Уголки глаз были подняты, во взгляде плясало лукавство, как у котёнка, задумавшего шалость.

Лу Цзинь на секунду замер, потом ответил:

— Потому что не хотел неопределённых отношений.

В глубине его натуры были очень традиционные и довольно однозначные взгляды. Поэтому, когда Ся Чи осторожно озвучил тот запрос, он сначала счёл это нелепым.

Избегать Ся Чи было нужно не только для того, чтобы успокоиться, но и для того, чтобы дать другому понять — он никогда не действует под влиянием минутного порыва.

Любого, в чью беспросветную жизнь вдруг врывается свет, неважно, слепит этот свет или нет, тянет удержать его любой ценой.

Тем более что Ся Чи сиял ярко, но не слепил.

Прежде унылая, безжизненная жизнь вдруг наполнилась красками. Пока он тянулся к этому с жадностью, в нём поднималось неудержимое волнение.

«Не хотел неопределённых отношений?»

Улыбка Ся Чи стала глубже.

Тогда — не хотел. Так что же тогда значит то, что происходит сейчас?

Парень нарочно поддразнил его:

— А что ты имеешь в виду сейчас? Согласен на неопределённые отношения со мной?

Выражение Лу Цзиня слегка изменилось. Спокойно, но серьёзно:

— Да.

В душе Ся Чи что-то тяжело дрогнуло. Он рассчитывал поддразнить его и не ожидал, что Лу Цзинь и вправду откажется от своих правил ради того, чтобы уступить ему.

Он убрал улыбку, опустил взгляд и напрямую выразил своё чувство.

— Но ты раньше расстроил меня.

Ся Чи с рождения жил в полном достатке, получал всё, что хотел. Его материальные желания были невелики, никогда ничто не причиняло ему беспокойства.

— Прости.

Парень поднял взгляд и посмотрел на Лу Цзиня прямо:

— Я хочу слышать не «прости». Если ты правда любишь меня — докажи это на деле, а не только на словах.

«Деревяшка.» — Ся Чи в душе проворчал: «Непробиваемый чурбан.»

У простодушных людей есть свои достоинства, но есть и недостатки.

— Хорошо, — тёмные, глубокие глаза Лу Цзиня неподвижно смотрели на Ся Чи.

«Показать слабость — тоже один из способов получить любовь.»

Увидев, что Лу Цзинь согласился, Ся Чи перекатился на кровать, лёг на свою сторону:

— Спать, я устал.

Услышав это, мужчина выключил основной свет, оставив только маленький ночник у изголовья.

Тем временем.

Сюй Чжэнцин тащил за собой Линь Ло топить горе в вине.

Он рассказал другу о том, что произошло вчера вечером.

— Скажи, что вообще имел в виду Лу Цзинь? — Сюй Чжэнцин и правда перестал понимать.

Линь Ло слушал и то и дело внутренне вздрагивал.

В отличие от Сюй Чжэнцина, ничего не смыслящего в чувствах, Линь Ло уже пережил несколько отношений, познал и горечь любви, и её сладость.

Судя по тому, что описывал Сюй Чжэнцин, он мог с уверенностью сказать: Лу Цзинь со стопроцентной вероятностью питает к Ся Чи те же чувства.

Мужчина лучше всего понимает мужчину. Раньше он сам просчитался. Решил, что чувства Лу Цзиня к Ся Чи родственные. И в голову не приходило, что тот может полюбить Ся Чи.

Не удивительно, что человек, у которого отняли двадцать с лишним лет жизни, так и не сделал Ся Чи ничего плохого — мало того, обращался с ним исключительно хорошо.

Теперь всё встало на свои места.

Линь Ло смотрел на Сюй Чжэнцина взглядом, полным сочувствия:

— Послушай моего совета: будь с Ся Чи просто добрыми друзьями.

Сюй Чжэнцин вспыхнул:

— Вчера ты говорил совсем другое!

Линь Ло и сам вчера не знал, что Лу Цзинь любит Ся Чи!

Но произносить это вслух он не решился, боялся задеть Сюй Чжэнцина, поэтому осторожно сказал:

— Я боюсь, что если признание не выйдет, вы не сможете быть даже друзьями.

Это как раз и тревожило парня. Когда Линь Ло указал на это прямо, он и правда заколебался: не скажешь — останешься только другом, скажешь — можешь лишиться даже дружбы.

Тайно любить кого-то — настоящая мука. Особенно когда любишь друга: тыходишь в его жизнь, узнаёшь о нём всё, и можешь только смотреть.

Вспоминая всё, что было за эти годы, Сюй Чжэнцин тронул уголок рта горькой улыбкой.

Линь Ло смотрел на него с болью в сердце.

Он похлопал друга по плечу:

— Брат Чжэнцин, свет клином не сошёлся. Ну зачем так?

Сюй Чжэнцин опустил ресницы, молчал, упрямо не желая меняться.

Легко говорить. Но только тот, кого это касается, знает: разве так просто взять и отпустить?

Сюй Чжэнцин достал из кармана оберег, который вчера собирался подарить Ся Чи.

Он раздобыл его специально для него. Однажды уже пытался вручить, но тогдашний Ся Чи высмеял его суеверие и не взял.

И сейчас оберег так и не был отдан.

— Мне плохо, — сказал Сюй Чжэнцин. — Линь Ло, мне больно.

— Эх, — Линь Ло вздохнул, помог Сюй Чжэнцину лечь на кровать. — Не думай об этом.

Поспишь и всё пройдёт.

Сюй Чжэнцин закрыл глаза, отвернул лицо в сторону. По уголку глаза скользнула слеза.

По любви, которая так и не случилась.

На следующий день Ся Чи хотел было проводить парней, но, проснувшись, получил сообщение, что оба уже уехали.

Он написал им пожелание доброго пути и сообщил, что встретятся, когда вернутся в город А.

Ся Чи и Лу Цзинь вернулись в отель. Наконец не нужно было спать в одной кровати.

Он слегка выдохнул с облегчением. Если бы продолжал там ночевать, чувствовал, что вот-вот сорвётся.

Особенно этим утром: Ся Чи явно ощущал что-то горячее внутри.

Опасаясь, что Лу Цзинь заметит что-то неладное, он сам пошёл в ванную успокоиться — провёл там полчаса, прежде чем выйти.

Хорошо, что человек был занят работой.

В курортной зоне было много мест для отдыха и много вкусной еды. Ся Чи потащил Лу Цзиня облазить всё вокруг. Как раз в это время Ся Сюэмэй благополучно спустилась с горы Линьбай.

Трое договорились встретиться за ужином.

За едой Ся Чи смотрел на Ся Сюэмэй и вспоминал всё время, что они общались. Он почти ни разу не видел, как та занимается делами.

Но он помнил, что у нее было собственное дело.